

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

январь 1982 г.

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1983

5. Д.Б.Алаев, Опыт типологии средневековых обществ Азии. — В сб. Типы общественных отношений на Востоке в средние века, М., 1982.
6. E.Ashtor, A social and economic history of the Near East. L., 1976, 181.
7. Там же, с.114.
8. К.Маркс, Ф.Энгельс, Сочинения, изд. 2, т.19, с.120-121.

Е.И.Кичанов

СОСЛОВНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (VII-X вв.)^X

"Главное, что требовали правила этики и морали "ли" от закон "лий", — пишет японский историк Китая проф. Миядзаки Итисада, — это, чтобы в семье и обществе были выделены социальные группы и были бы сурдулезно определены права старших в отношении младших и обязанности младших в отношении старших".¹ Правоспособность лиц определялась их социальным статусом: "чтобы быть лицом, человек должен ... раньше обладать статусом, — писал великий немецкий философ Гегель, — и "право есть поэтому во всяком случае не право лица, как такового, а лишь право особенного лица",² т.е. лицо определенного социального статуса, для средневековья всегда и везде принадлежавшего к тому или иному сословию.

Не имея своей, по выражению К.Маркса, "собственной истории" и отражая систему общественных отношений, право средневековых обществ своими средствами посредством установленных государством правовых норм отражало облик социальной организации общества. Он был закреплён в сословиях по определению "Советской исторической энциклопедии" "социально-правовых группах, каждая из которых отличалась своим юридическим положением".³ Таким образом, сословия реально отражали структуру социальной организации данного общества на момент ее закрепления в праве, социальную организацию, базирующуюся в том числе и на производственных отношениях, отношениях экономических и отношениях собственности. Если даже генетически вхождение в то или иное сословие имело основания личного порядка, само формирование социальных групп, из которых произошли сословия, было

¹ В основу данного текста положен доклад, прочитанный на всесоюзной конференции "Актуальные проблемы и основные направления исследования истории древнего и средневекового зарубежного Востока" 9.12.1981 г.

теснейшим образом связано с имущественной, социальной дифференциацией общества (функциональная дифференциация — воины, земледельцы, жрецы и т.п. тоже были связана с имущественной, социальной) и с правом собственности одних членов общества на других. Сословия, имея форму бытования, закрепленную прежде всего в праве, не были и не могли быть обязаны своим происхождением только праву. В докапиталистических обществах, — указывал В.И. Ленин, — "различие классов фиксировалось в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса.... Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия; а в последнем классы бессословные".⁴ Таким образом, В.И. Ленин прямо говорил о том, что сословное деление докапиталистических обществ "фиксировало различие классов", именно оно "устанавливало особое юридическое место в государстве для каждого класса", ибо существовали "классы — сословия", т.е. сословия, равнозначные классу, и, наконец, одно из принципиальных отличий добуржуазных обществ от обществ буржуазных состоит в том, что первые имели сословно-классовое деление, а последние только классовое. Значит сословное деление фиксировалось в тесной связи с классовым делением общества. Число сословий было больше числа классов, что определялось "разнообразием форм и методов внеэкономического принуждения".⁵

Далее. Марксистско-ленинское учение о классах признает наличие различных групп и слоев общества внутри одного класса, т.е. не считает классы за нечто монолитно однородное, признает наличие промежуточных прослоек между классами и выделяет в данном обществе на данный подвергающийся анализу период развития классы основные и неосновные. Те классы, существование которых "непосредственно вытекает из господствующей в данной общественно-экономической формации способа производства", следует считать основными.⁶ Это деление объясняется реальной сложностью социальной структуры того или иного общества, в котором наряду с основными классами, определяемыми формационной принадлежностью общества, существуют классы, отражающие бытование или прежних способов производства, или зарождающиеся новые.

Следовательно, нет никаких методологических оснований рассматривать сословия только как социальные группы, выделенные действующим в данном обществе правом. Их закрепление в праве в конечном счете есть отражение многообразия форм производственных отношений

в данном обществе, признаваемых и зафиксированных данным обществом. Сословное деление не только может (вопреки критике в мой адрес Л.С.Васильева⁷), оно должно служить одним из важнейших критериев при анализе деления докапиталистического общества на классы. Подход к сословиям и классам как к "двум принципиально различным делениям",⁸ подход, которым руководствуется В.П.Илюшечкин, как мы только что показали выше, исходя из ленинской трактовки взаимосвязи сословий и классов в добуржуазных обществах, является методологически неверным по существу. В.П.Илюшечкин отвергает и как неправомерное "определение антагонистических классов ... по господствующей форме эксплуатации"⁹ только на основании справедливого с его стороны неприятия "эталонного подхода" - все древние общества рабовладельческие, все средневековые - феодальные, хотя вряд ли можно спорить с тем, что господствующая форма эксплуатации и именно она определяет основные антагонистические классы данного общества, и дело в том, что ее трудно выделить и, тем более, определить, а не в эталонном подходе, к которому, кстати, авторов нередко и подталкивают практические трудности анализа.

Не вступая в полемику с В.П.Илюшечкиным об истинном понимании того, что является классом, это уже дело специалистов по политэкономии и историческому материализму, я думаю, что его определение классового деления "по различному отношению членов общества к частной собственности на средства производства в процессе производства и распределения"¹⁰ грешит узостью подхода. Заметим, что ленинское определение класса не оперирует понятием "частная собственность". Частная собственность понятие историческое как понятие собственности вообще. В разных обществах и разных системах права оно имело различные объемы по отношению к тому, что мы понимаем под собственностью, в том числе и частной, по близким нам римскому праву и праву буржуазному. В.И.Ленин говорил лишь об "отношении ... к средствам производства", что, как мне представляется, отнюдь не равнозначно отношению к частной собственности, да и ленинское определение класса, позволю себе напомнить его - "классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благо-

даря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства"¹¹ - требует от нас для выделения того или иного класса учета гораздо большего числа признаков, чем "отношение членов общества к частной собственности на средства производства". Это и историзм в подходе, установление особого места данной большой группы людей в исторически определенной системе общественного производства, учета того, как закреплено и оформлено законом отношение данной группы людей к средствам производства, их роли в общественной организации труда. И эта роль, что очень важно для анализа докапиталистических обществ, а не только отношение к средствам производства, определяют способ получения и размер той доли общественного богатства, которой располагает данный класс.

Публичное противопоставление моего подхода к сословно-классовому анализу общества средневекового Китая и подхода В.П.Илюшечкина, предпринятое Л.С.Васильевым, вынуждает меня сделать вышеизложенные и нижеследующие замечания. Решение той или иной проблемы с принятых автором позиций при строгом следовании содержанию основных понятий, выдвинутых за таковые данным автором, всегда в принципе полезно. Да и любое дело имеет часто много сторон. В этом смысле полезна и интересна и работа В.П.Илюшечкина. Но ее результат, выявление в старом Китае трех классов:

1. Эксплуататорского класса частных собственников,
2. Эксплуатируемого класса частнозависимых (лишенных целиком или частично собственности) и
3. Промежуточного класса мелких собственников¹²

хотя и заслуживает бесспорно внимания, но не дает полного и в достаточной мере адекватного представления о классовой структуре обществ старого Китая. Оно лишено динамики, которая на деле была присуща китайскому обществу. Автор пишет, что с VI-V вв. до н.э. вплоть до второй половины XIX века антагонистическими классами традиционного китайского общества "являлись, с одной стороны, крупные земледельцы-рентополучатели, а с другой - эксплуатируемые ими рентосоздатели, т.е. крестьяне-арендаторы и несвободные работники (рабы, крепостные и оброчные невольники), занятые в сфере производства."¹³ На деле арендные отношения оформились и затем стали ведущими в Китае только с XI-XII вв. н.э., с династии Сун, явившейся своеобразным водоразделом в социально-экономической истории старого Китая. Как нам кажется, применительно к Китаю еще не пришла пора делать большие обобщения. Следует детально исследовать на разнообразном материале сословно-классовое деление Китая по отдельным ди-

настиям и эпохам, хотя бы таким, как до Хань (до II в. до н.э.), при Хань (II в. до н.э. - II в. н.э.), этой династии и этим четырем векам принадлежит исключительная роль в формировании облика традиционного Китая, от Хань до Тан (III-VI вв.) в этот период чрезвычайно важным является появление надельной системы и появление вместе с ней многих трудных для нас вопросов, именно с этого периода Китай стал влиять на социальные структуры стран Дальнего Востока - государства Кореи и Японии, период правления династии Тан и Пяти династий (VII-X вв.), исключительно важный период Сун (XI-XIII вв.), период Юань - время первого всекитайского господства некитайской династии (XIII-XIV вв.), период Мин (XIV-XVII вв.) и период Цин - период второго всекитайского господства некитайской династии. В принципе только после этого могут быть сделаны достаточно основательные обобщения для всего старого, так называемого традиционного Китая.

В данном сообщении автор не претендует на создание какой-то генеральной схемы. Речь пойдет о сословно-классовом делении китайского общества VII-X вв. и о том, как сословно-классовая структура Китая, благодаря рецепции китайского права, оказала весьма существенное влияние на формирование сословно-классовой структуры Кореи и Японии в данный период. Моя задача облегчается тем, что летом этого года был опубликован мой доклад "Проблемы сословно-классового деления общества Тан VII-X вв.",¹⁴ прочитанный мною три или четыре года назад на одной из годовичных сессий ЛО ИВ АН СССР.

В танском Китае различалось около 10 сословий, для обозначения которых в праве употреблялось слово "сэ", имевшее значение "цвет", "вид", "категория". Очень возможно, что употребление слова "сэ" для обозначения социальной стратификации, в частности, сословия, не было исконно китайским, и имело индо-иранское происхождение. Уж очень велико совпадение его с древнеиндийским "варна" - "качество", цвет", "категория", и по значению и употреблению с иранским эпохи сасанидов "пштра". Современный тайваньский исследователь Дай Яньхуй полагает, что "употребляемый в законах-люй знак "сэ" выражает понятие класса".¹⁵

В представлении самого китайского общества VII-X вв., отраженном в праве, все члены общества делились на две большие социальные группы: людей добропорядочных, лично свободных, не находившихся в собственности частного лица или государства - лянжэнь, и людей "подлых", лично несвободных, находившихся в собственности или частного лица или государства - цзяньжэнь. Разделение фактически по принципу - несостоящие в чьей-то собственности и состоящие в чьей-

то собственности, и по форме идеологического отражения этого разделения в общественном сознании эти люди были расквалифицированы по принципу оценки их моральных качеств, считавшихся врожденными: добродетельности и благородства и подлости и низости натуры. Состояние личной несвободы, низости натуры было наследственным.

Круг лично несвободных людей в Китае УП-Х вв. четко очерчен. Это рабы-буцой, и частные и казенные, частные лично несвободные люди буцой и кэной и казенные лично несвободные люди гун-мастеровые, юэ-музыканты, гуаньху, цзаху, тайчан иньшэнчжэнь - музыканты Палаты жертвоприношений Тайчан: и так называемые "чанчжу" - "постоянно живущие", люди принадлежавшие буддийской сангхе. Здесь нет возможности характеризовать детально каждое из этих сословий, в принципе нет и особой необходимости, так как желающие могут ознакомиться с их характеристикой из опубликованных статей Е.М. Козиной, которая подготовила по этому вопросу диссертацию. *

Лично несвободные люди-цзяньчжэнь образовывали самый низший, эксплуатируемый класс китайского общества УП-Х вв. Этот класс делился на восемь сословий, перечисленных выше, в зависимости от объема прав, представленных тому или иному сословию, определяемых непосредственными способами их эксплуатации и внеэкономического принуждения. Таково было "различие их ... места в определенном укладе общественного хозяйства" у лично свободных лянчжэнь и лично несвободных цзяньчжэнь, что первые "присваивали себе труд" вторых, целиком или частично. Лично несвободные получали лишь ту долю общественного богатства, которую позволяли им получать лично свободные. Лично несвободные были или целиком лишены средств производства (музыканты, рабы, состоящие в услужении, ремесленники казенных мастерских, гуаньху, во время работы на казенных полях) или на неясных условиях могли иметь средства производства или были наделены ими и, будучи прикреплены к ним как люди лично несвободные, отдавали казне или хозяину большую долю своего труда или продуктов своего труда, чем такой же лично свободный производитель выплачивал в качестве налога государству. Они не играли никакой роли в общественной организации труда. Некоторые сословия этих людей, с большими, чем рабы-буцой, кэной, гун, юэ, гуаньху, цзаху, тайчан иньшэнчжэнь правами, исчезли к XIII в. Это было связано с тем коренным поворотом в экономике Китая при Сун, который привел к утверждению в земледелии и землепользовании арендных отношений, отношений арендатора, нередко лишённого своей земли и прикрепленного к земле хозяина, и крупного землевладельца, сдававшего землю в

аренду. Однако рабство, возникшее на заре китайской истории, просуществовало в Китае до XX века, по крайней мере, дважды при монгольском и маньчжурском завоеваниях получая импульсы для своего дальнейшего существования извне.

Можно предполагать, что в правосознании китайцев до X века различие между людьми лично свободными и лично несвободными было основным, это отчасти подтверждается и художественной литературой. В танских новеллах вы практически не встретите упоминания о крестьянине, зато там нередки упоминания о рабах.

Сложнее ответить на вопрос, кто считался лично свободным добропорядочным человеком лянжэнь? Это связано с тем, что есть сомнения в объеме этого понятия, связанные прежде всего с вопросом о том, включались ли в число тех, кто именовался лянжэнь, чиновники-гуань, или же это понятие относилось только к простолюдинам — байсин. А. Ю. Турин полагает, что понятие лянжэнь и байсин были тождественны друг другу.¹⁶ Его утверждение базируется на неточном толковании одного из общих положений кодекса Тан, гласящего в ряде статей, что если за то или иное преступление в кодексе не указана точная мера наказания для некоторых сословий лично несвободных людей, то они при наказании за данное преступление приравниваются к лянжэнь и получают ту же меру наказания, что и простые люди байсин. Тексты таких статей как раз свидетельствуют о том, что понятие лянжэнь было шире понятия байсин, ибо лянжэнь за один и тот же проступок наказывались неодинаково, прежде всего в зависимости от того, был ли этот лянжэнь — лично свободный чиновник — гуань или простолюдин-байсин и закон точно указывает, что если цзяньжэнь в наказании за данное преступление приравниваются к лянжэнь, то из числа лянжэнь они наказываются за данное преступление так, как наказываются простолюдины-байсин. Здесь нет нужды приводить другие тексты, из их анализа становится очевидным, что под лянжэнь — лично свободными понимался любой лично свободный человек, независимо от его сословной принадлежности в рамках лянжэнь, т.е. независимо от того, был ли он чиновником-гуань, простолюдином-байсин или монахом, в первую очередь буддийским или даосским. Любопытно отметить, что из работы А. Г. Периханян по сасанидскому праву стало очевидным, что близкая проблема существует и там. Раннесасанидское право знало понятие азатов (азатан), значившее "благородный" и представляющее собой прямую аналогию китайскому лянжэнь. Многие исследователи считают азат словом, обозначающим лично свободных людей в противоположность рабам. Именно в этом значении оно попало

в древнеармянский язык и использовано в армянском переводе "Библии" для передачи слова лично свободный, а греки сравнивали иранских азатов со своими свободными. Сама А.Г.Периханян не совсем согласна с этим и полагает, что термин азат прежде всего означал "члена знатного рода". Где истина, решат специалисты, нам важно подчеркнуть сходство иранского и китайского терминов и сходство нерешенной проблемы.

Сослаться на возможные связи индо-иранских социальных структур и социальных структур Китая I тыс. н.э., представится еще и третий случай. Однако следует сразу сказать, что спецификой Китая и Дальнего Востока в целом явилось то, что не жрецы, аристократия и воины в их сословном оформлении составили костяк господствующего класса и господствующее сословие лично свободных людей, а люди действительно состоявшие или считавшиеся на государственной службе, чиновники, наделенные должностями, рангами и титулами, почетными и титулами знатности. Сословие чиновничества-гуань отнюдь не ограничивалось самими чиновниками и членами их семей. Благодаря особому виду патронажа и привилегий, полученному в средневековом Китае наименование "тени" (инь),¹⁷ оно включало их родственников и свойственников различных степеней близости, определяемых законодательно установленными сроками ношения траура в случае смерти друг друга, при этом чем выше общественное положение лица, отбрасывающего "тень", тем большее число родственников укрывалось в этой "тени". В это же сословие была введена и клановая аристократия, которая, как отмечает В.В.Малыгин, не добилаь "адекватного выражения своих привилегий в сфере политики и законодательства",¹⁸ а была адаптирована бюрократией, произошло ее, как выразился Д. Джонсон, "огосударствливание".¹⁹ Это "огосударствливание" аристократии через чиновничьи должности, ранги, почетные титулы и титулы знатности, инкорпорированные в общую систему рангов бюрократии, способствовали и подъему значимости самой бюрократии. Система "тени" гарантировала при этом сохранение основ аристократизма - родovitости. "Тень, - по определению автора тех лет Лу Сюань-гуна, - это возможность в соответствии со значимостью ранга оказывать протекцию и защиту своим сыновьям, а также внукам и правнукам".²⁰ Экономически господство бюрократии как могучей основы господствующего класса зиждилось на том, что служба - должность и чин определенного разряда (ранга) гарантировала твердый доход и уровень состоятельности, выражавшийся в жалованьи, свободном от уплаты налога и отработок в пользу государства по трудовинности. Титул знатнос-

ти также гарантировал установленный законом земельный надел. Родовитые аристократические семьи, местные кланы, поставлявшие государству чиновников, жившие при бытовании патронимии по несколько поколений вместе (9 поколений, клан Чжан Гун-и при Тан), при условии, что они еще, помимо земель за титул знатности и чины по службе, имели земли в частной собственности, концентрировали огромные земельные богатства, получившие при Сун наименование "чжуан вань" — поместья. Именно из аристократии и чиновничества, обладавших поместьями с династии Сун начал складываться социальный слой китайских помещиков.²¹ Мы не будем более подробно описывать далее сословие чиновников, детальные характеристики его могут быть найдены в опубликованных статьях В.М.Рыбакова и его диссертации.

Вторым сословием лично свободных людей было сословие простолюдинов-байсин. Это сословие составляли крестьяне, ремесленники, торговцы, получившие образование, но не состоявшие на государственной службе люди-ши. Большинство в сословии байсин принадлежало крестьянам. Байсин представляли и большинство населения старого Китая. Их было и больше, чем людей, относящихся к классу лично несвободных людей-цзяньжэнь. По документу, относящему к 762 г. в округе Шацжоу на 87 человек лично свободных людей приходилось четыре раба, т.е. 1 раб на 22 лично свободных человека, по материалам из Сичжоу (Турфан) 12 лично несвободных — 5 рабов и 7 буцзуй приходилось на 65 человек лично свободных, т.е. примерно один лично несвободный на 5 лично свободных. По данным на 775 г. тяглые налоговые плательщики, т.е. в первую голову именно не чиновники и не лишены личной свободы люди составляли 60% от общей численности всех людей, занесенных в списки населения округов и уездов.²²

К сословию байсин относились и образованные люди, не состоявшие на государственной службе (ши). Поступив на государственную службу, они становились чиновниками. Право поступления на государственную службу, т.е. при наличии минимума образованности, требовавшейся для этого, перехода в сословие гуань, помимо ши, имели и крестьяне — нун. Ремесленники-гун и торговцы-шан как люди, по традиционным китайским представлениям, занимавшиеся своим делом с целью извлечения барыша, были лишены права сдавать государственные экзамены и поступать на государственную службу.

Сословие байсин дает повод сказать об исторически различных соотношениях понятий сословия и класса в средневековых обществах. Сословие могло равняться классу (существовали "классы-сословия", В.И.Ленин) — сословие лично несвободных людей-цзяньжэнь, в

свою очередь делившееся на более мелкие сословия соответствовало эксплуатируемому классу лично несвободных людей. Сословие могло быть уже понятие класса, например, сословие рабов в классе лично несвободных людей или сословие чиновников-гуань в составе господствующего класса. И, наконец, сословие могло быть шире понятия класса, это сословие байсин в Китае I тыс. н.э., сословие, даже суперсословие лянжэнь, включавшее в свой состав два класса, как третье сословие во Франции, включавшее представителей двух классов - крестьянства и буржуазии. Богатые землевладельцы, не имевшие чинов, богатые крестьяне, имевшие достаточно земли, чтобы эксплуатировать чужой труд, экономически принадлежали к господствующему эксплуататорскому классу, хотя и относились к сословию простых людей. Это в равной мере касалось богатых кушцов и ремесленников, эксплуатировавших чужой труд.

Отметим, что в сасанидском Иране в V в. земледельцы, ремесленники и торговцы также входили в одно сословие.

"Одно из отличий класса от сословия", - указывал В.И. Ленин, - состояло в том, что классы отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями".²³ Тяглые, лично свободные крестьяне-земледельцы, платившие государству поземельный налог, выполнявшие трудовую повинность и служившие в армии, не эксплуатировавшие чужого труда вместе с обязанными налогом и групповинностью ремесленниками и торговцами составляли второй эксплуатируемый класс китайского общества VII-X вв. Господствующий класс китайского общества этого времени включал в себя значительную часть сословия гуань (бюрократии) и богатых, эксплуатировавших чужой труд землевладельцев, торговцев и ремесленников из сословия байсин.

Третьим сословием, кроме гуань и байсин, в числе лично свободных людей были монахи. Их зажиточная часть тоже принадлежала к господствующему классу. Характеристикой класса является и известная неоднородность по социальному положению входящих в данный класс людей. Поэтому социальные границы класса менее четки, более расплывчаты, чем строго регламентированные законом границы сословий.

Хорошо известна активная, формирующая роль права. Такую роль сыграло китайское танское право после рецепции его в Корею и Японию. Под прямым его воздействием сословно-классовое деление общества Кореи и Японии на значительный период приобрело сходство с китайским при династии Тан.

В У–VII вв. в Корее в корейском государстве Когурё исследователи выделяют следующие сословия: знать, родовая по происхождению, из пяти основных старых родоплеменных групп, основавших это корейское государство, чиновничество, крестьянство–хахо и рабов–ноби.²⁴ Точно такое же сословное деление было в IV в. в другом корейском государстве Пэкче: знать, чиновники, делившиеся на 16 классов, крестьяне–минхо и рабы–ноби, казенные и частные.²⁵ Также лишь терминологически и в частности отличались в принципе сословия и в третьем корейском государстве Силла. Это были правящий род и аристократия, подразделявшаяся на пять разрядов, чиновники, простой народ–пхёнко и рабы–ноби.²⁶ В 755 г. Корея была объединена под властью одного государства Силла.

Мы уже имеем свидетельство источников о наличии в Силла класса презираемых, лично несвободных людей – чо (кит. цзянь). В нем различаются сословия рабов–ноби, путок (буцдй), хян и со, существо которых и китайские параллели, если они имелись, нам не ясны. В числе людей лично свободных в полном соответствии с китайской моделью выделяются чиновники, получавшие за службу земельные наделы ногып, аристократы господствующих групп Сонголь и Чинголь, подразделявшиеся на 9 категорий крестьяне и монахи.²⁷

Корея периода Корё (X–XIV вв.) дает еще большее сходство с китайской моделью. Общество делится на людей лично свободных–рянинов (кит. лянжэнь) и людей лично несвободных – чхонинов (кит. цзяньжэнь). В класс лично несвободных людей входили рабы–ноби, принадлежавшие как государству – конноби, так и частным лицам – саноби, и, что составляло корейскую специфику, представители некоторых "презираемых" профессий – мясники, бродячие актеры и т.п. Эта была та социальная группа, которая имела и в Японии и дожила до наших дней, образовав и ныне презираемую группу японского общества – так называемых буракумин.

Основу господствующего класса составляла бюрократия – чиновники янбан (кит. лянбань), термин означал две основные группы бюрократии – гражданских чиновников – мунгван и военных чиновников – мутван. В сословие янбан была инкорпорирована и аристократия. Сословие простых людей, именовавшееся лично свободными добропорядочными людьми–рянин, в полном соответствии с китайской моделью состояло из крестьян, ремесленников, купцов и получивших образование неслуживых людей.²⁸

В Японии в III–VII вв. господствовала клановая система удзи. В кланах выделялась их аристократическая часть, организованная в

иерархию особых званий кабанэ и рядовые члены кланов удзибито. Наряду с этим имелись рабы, а также лишенные личной свободы члены так называемых корпораций, ба²⁹ (иероглиф бу из китайского буццой), ба делились на томоба (кит. пиньбу) и какиба (кит. буццой). С 646 г., начиная с реформ Тайка, общество было разделено на лично свободных людей – рёмин (кит. лянминь), "общее полноправное население", по определению проф. Хондзё Эйдзиро,³⁰ и лично несвободных людей – сэммин (кит. цзяньжэнь). Аристократия и чиновничество, по мнению советского историка О. Плетнера, не входили в число рёминов. Он относит рёминов к "социальным низам".³¹ Полноправное лично свободное население именовалось еще также – комин. Часть прежних лично несвободных "корпорантов" была освобождена и переведена в число простонародья – комин, часть из них, прежде всего ремесленники, была попрежнему лишена личной свободы и образовала особое сословие дзацукю, кальку китайского цзаку. Положение дзацукю было лучшим, чем у рабов, что отвечало и китайской схеме, поэтому японские историки менуют их "полусвободными".³² В классе лично несвободных людей Японии VIII и последующих веков мы находим сословие канкю (кит. гуаньху), сословие рёкю (кит. линху), несвободных людей, охраняющих императорские могилы. Это сословие не существовало в танском Китае, но известно до Тан. Это были казенные и частные рабы: казенные конухи и частные – синухи. Существовало также сословие частных лично несвободных людей кэнин (кит. цзя жэнь), неизвестное в Китае. Поскольку исследователи полагают, что "их положение было несколько лучше, чем положение ... синухи",³³ можно в известной мере сравнить японских кэнин с китайскими буццой и кэной. Количество рабов, определяемое в пределах от 5 до 20% населения Японии,³⁴ в отдельных районах страны было достаточно велико. По спискам населения деревень Кумоноуэ и Кумоносита уезда Отаги провинции Ямасиро в этих деревнях проживало лично свободных титлых мужчин и женщин 161 человек, на них приходилось 78 рабов и рабынь³⁵ (726 г.).³⁵ В уезде Кагэ, в деревне Хабури из 44 членов одной семьи было 13 рабов, в деревне Каваба провинции Тикудзэн упоминается в документах семья, которая имела 39 чел. рабов. (702 г.).³⁶ В 701 г. по китайскому образцу в Японии была введена надельная система хандэн. С X в. в Японии, как и в Китае, стало активно формироваться система поместий – сёэн (кит. чжуанюань). Последующие социальные процессы в Японии, связанные с утверждением поместной системы, характеризовались, как и в Китае, с одной стороны исчезновением ряда сословий лично несвободных людей – сэммин, кроме рабов, и,

что определило специфику Японии, возникновением особого военного сословия буси. Люди ряда презираемых профессий - хинин (актеры и нищие), эта (кожевники и т.п.) выделяются в особую социальную группу, от которой позднее происходят современные буракумин.

- I. Миядзаки Итисада, Со-Эн дзидай-но хоси-то сайбан кико, отд.от., с. II.
2. Гегель, Философия права. Перевод Б. Столпнера. М.-Л., 1934, с. 67.
3. СИЭ, т. I3, 1971, с. 347.
4. В.И. Ленин, Сочинения, том 5, с. 311, примечание.
5. ЕСЭ, Словие, т. 24(I), с. 199.
6. ЕСЭ, Классы, т. 12, с. 281.
7. Социальные организации в Китае. М., Наука, 1981, предисловие, с. 6.
8. В.П. Ильинчекин, Сословия и классовая структура обществ в древнем и средневековом Китае, - Социальные организации в Китае, с. 125.
9. Там же.
10. Там же, с. 128.
- II. В.И. Ленин, Сочинения, т. 39, с. 15.
12. Социальные организации в Китае, с. 142, 6
13. Там же, с. 154.
14. Е.И. Кычанов, Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII-X вв.). - Социальные организации в Китае, с. 43-52.
15. Дай Янь-хуй, Тан луй тун лунь, Тайбэй, 1964, с. 72.
16. А.Ю. Турин, Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае. М., Наука, 1979, с. 15.
17. О "тени" см. статью В.М. Рыбакова, Правовые привилегии и понятие тени, - Общество и государство в Китае. М., Наука, 1981, с. 58-74.
18. В.В. Малявин, Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение, - Социальные организации в Китае, с. 38.
19. D. Johnson, The medieval Chinese Oligarches, Boulder, 1977, p. 19.
20. Цит. по Сотабе Сидзую, Ришурё-о тэсин-тосита Ни-Тю канкэй си-но канкю, 1967, с. 222.
21. Liu Tien-wai, Some Thoughts on the Development of Chuang Yuan in the Medieval China, p. 19.
22. Ikeda On, T'ang Household Registers and Related Documents, Perspectives on the T'ang, New Haven - London, 1973, p. 109, 146.
23. В.И. Ленин, Сочинения, т. 2, с. 475.
24. М.Н. Пак, Очерки ранней истории Кореи. М., 1979, с. 166-167.
25. Там же, с. 174-175.
26. Там же, с. 188-189.

27. Там же, с.211-216.
28. Ю.В.Ванин, Феодалная Корея в XIII-XIV вв. М., Наука, 1962, с.43-49.
29. М.В.Воробьев, Япония в III-VII вв. М., Наука, 1980, с.124-137.
30. Хондзэ Эйджиро, Социальная история Японии, М., 1927, с.31.
31. О.Плетнер, К изучению японского феодализма, отд.отт., с.178.
32. Хондзэ Эйджиро, Социальная история Японии, с.34.
33. Там же, с.37.
34. СИЭ, т.16, с.907-908.
35. Хани Горо, История японского народа, М., 1957, с.44-45.
36. Хондзэ Эйджиро, Социальная история Японии, с.39.

А.С.Мартынов

РЕЛИГИИ, "УЧЕНИЯ" И ГОСУДАРСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА^X

В данном сообщении речь пойдет о существовании на Дальнем Востоке в средние века особого типа культуры, единственного в контексте всего мирового средневековья типа культуры, свободного от теологической доминанты. Думаю, что одного этого обстоятельства вполне достаточно для того, чтобы уделить данному аспекту духовной культуры стран Восточной Азии достаточно серьезное внимание. Вот та первая проблема, на которой бы хотелось остановиться. Но к этому надо еще добавить, что все страны, в которых культура подобного типа получила распространение, подверглись влиянию мировой религии, располагавшей богатейшим духовным арсеналом и способной дать свой ответ на любые запросы и потребности человека средних веков, начиная от самых отвлеченных философских построений и кончая самыми примитивными суевериями. Но буддизму, а речь идет, конечно, о нем, не удалось на Дальнем Востоке приложить на практике все свои возможности, не удалось, прежде всего, навязать теологическую доминанту культуре Китая и уничтожить влияние этой культуры в сопредельных с Китаем странах. Попытаться выяснить причины такой стойкости - вот вторая проблема нашего сообщения. И, наконец, особенности положения религий в странах подобной культу-

¹ В основу данного текста положен доклад, прочитанный на всесоюзной конференции "Актуальные проблемы и основные направления исследования истории древнего и средневекового зарубежного Востока" 9.12.1981 г.